

Полякова Н. В.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

Представлен краткий обзор семасиологического и ономазиологического подходов к исследованию посессивности в отечественной и зарубежной лингвистике. Описаны морфологический, синтаксический и морфо-лого-синтаксический способы выражения категории посессивности в диалектах селькупского языка, а также личная и предметная принадлежность. Рассмотрено явление отторжимой/неотторжимой принадлежности в селькупском языке.

Ключевые слова: *посессивность, селькупский язык, притяжательные конструкции, лично-притяжательные суффиксы, отторжимая/неотторжимая принадлежность.*

Категория посессивности относится к универсальным понятийным категориям языка. Существуют два определения данной категории: «широкое» и «узкое». В рамках широкой трактовки посессивность рассматривается как связующее значение, реализующееся в сочетаниях самой различной семантики, в то время как в рамках узкой трактовки посессивность сводится к значениям обладания, владения.

В различных языках посессивность выражается при помощи разноуровневых языковых средств. При этом универсального набора языковых средств выражения посессивности не существует, для каждого языка данный набор является уникальным.

Посессивность является комплексным и неоднозначным понятием. Для исследования и описания данной категории необходимо обратиться к различным языковым структурам. Вопрос о семантической области посессивности в целом до сих пор остается слабо изученным, см.: (Милованова, 2007).

Посессивность может быть исследована как с позиций семасиологического, так и ономазиологического подходов.

В зарубежной лингвистике посессивность рассматривается в первую очередь с позиций ономазиологического подхода. Взяв за основу интуитивное понимание концепта посессивности, ученые уточняют его, описывая различные типы отношений, включаемые в общее понятие посессивности (Heine, 1997).

«Семантически посессивность можно отнести к биокультурным концептам. Это отношение человека с его родственниками, частями тела, материальной собственностью, культурными и интеллектуальными продуктами его деятельности. В более широком смысле – это отношение между организмом в целом и его частями» (Seiler, 1983: 4; цит по: Милованова, 2007: 96). Данное определение посессивности трансформируется в работах Б. Хайне в разные типы предикативной посессивности: физическая, временная, постоянная (перманентная), абстрактная и т. д.

В отечественной лингвистике наиболее полное исследование посессивности проведено А. В. Бондарко и его учениками, которые рассматривают посессивность как функционально-семантическое поле. В данном поле выделяется два центра в зависимости от атрибутивных и предикативных функций различных типов посессивных конструкций (Бондаренко, 1996).

Категория посессивности входит в число важнейших категорий селькупского языка. Данная категория является семантически сложной, поскольку в ней находит отражение множество разных отношений: принадлежность части целому, обладание, неотчуждаемая и отчуждаемая принадлежность.

Посессивность как лингвистическая категория в селькупском языке может быть определена как отношение двух предметов, именуемых посессор и обладаемое, выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом.

Нельзя не согласиться с И. Николаевой, подчеркивающей, что «в уральских языках посессивность выражает намного больше возможных отношений, нежели в индоевропейских языках» (Nikolaeva, 2004: 142).

В уральских языках посессивность может рассматриваться в рамках ассоциативных отношений, которые должны быть установлены в дискурсе или речевой ситуации к моменту высказывания, таким образом, «посессор» концептуализируется первым и служит когнитивной точкой референции для установления ментального контакта с «обладаемым». Необходимым условием при этом является идентифицируемость компонентов: посессор идентифицируем в силу того, что он является точкой референции, и слушатель должен иметь о нем представление, а обладаемое – в силу прагматической ассоциации с другим определенным референтом (Nikolaeva, 2004: 142–143).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-04-00406 «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

Несмотря на то, что категория посессивности в различных диалектах селькупского языка уже становилась объектом лингвистического анализа, см.: (Кузнецова и др., 1980; Ким, 1987; Беккер и др., 1995), многие аспекты нуждаются в дальнейшем изучении и верификации.

Посессивные отношения в диалектах селькупского языка могут выражаться морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим способами. Морфологический способ выражения посессивных отношений заключается в присоединении лично-притяжательных суффиксов к именам существительным или другим частям речи.

Существуют два порядка следования лично-притяжательных суффиксов в фоморфологической структуре лично-притяжательных форм склонения. Безличное склонение имен существительных распадается в селькупском языке на две группы: группу основного падежа – падежи, происходящие от основы имени, внешне совпадающей с формой основного падежа, – основной падеж и косвенные падежи, образованные таким способом и группу других косвенных падежей, исторически берущих начало от основы, осложненной суффиксом -n, связываемым с генитивом. Первая группа падежей безличного склонения, переходя в разряд лично-притяжательного склонения, присоединяет лично-притяжательный суффикс к падежному показателю. У второй группы падежей лично-притяжательный суффикс наслаивается на генитивный -n и оказывается в позиции перед падежным показателем (Беккер, 1983: 11).

Т. М. Филиппова, описывая особенности верхнеобского говора южных селькупов, указывает на наличие в данном говоре двух посессивных форм первого лица единственного числа. Первая форма образуется по модели, присущей и другим диалектам селькупского языка: путем добавления к основе посессивного показателя винительного падежа. Данная форма винительного падежа идентична форме именительного падежа лично-притяжательного склонения: Тайз. *udo-β čayud'ibba* ‘рука моя распухла’. Вторая форма образуется по модели: первая форма + показатель винительного падежа безличного склонения: Тайз. *man ālīnnaβ ad'a-u-m* ‘я обманула отца своего’ (Филиппова, 2011: 84).

При морфолого-синтаксическом и синтаксическом способах посессивные отношения выражаются различными посессивными конструкциями, состоящими, как правило, из двух слов. Первый член посессивной конструкции (имя существительное или местоимение) служит определением и является обладателем, а второй член посессивной конструкции (имя существительное) выступает в роли определяемого и является обладаемым.

Синтаксически притяжательные отношения выражаются при помощи порядка слов: первое место занимает посессор, второе – обладаемое (Беккер и др., 1995: 77).

В зависимости от выражения обладателя посессивные конструкции селькупского языка подразделяют на конструкции личной принадлежности, конструкции предметной принадлежности и *habeo*-конструкции, которые передают как личную, так и предметную принадлежность.

Структурно конструкции личной принадлежности подразделяются на четыре типа:

– Личные местоимения первого и второго лица в функции притяжательных местоимений + имя существительное в лично-притяжательной форме: Нап. *mat ašte-m* ‘мой олень-мой’.

– Личное местоимение третьего лица в форме родительного падежа + имя существительное в безличной либо лично-притяжательной форме: Ив. *Tabin au-t tömba* ‘Его мать-его пришла’.

Следует отметить, что в тазовском диалекте селькупского языка посессивные формы третьего лица в притяжательных конструкциях с названием обладателя в генитиве не употребляются: *təpu-n alako* ‘его лодка’.

– Личное местоимение в форме местно-личного падежа + имя существительное в лично-притяжательной форме: УО *mennan utla-β i topla-β qandīnat* ‘Мои руки-мои и ноги-мои застыли’.

– Возвратно-притяжательное местоимение с основой *on-* + имя существительное в лично-притяжательной форме: УО *me onnat utla-nat-se m'essot* ‘Мы своими руками-нашими делаем’ (Беккер и др., 1995: 78–82).

Ряд лексем, в число которых входят, например, таз. *qum* ‘человек’, *ima* ‘женщина’, *ira* ‘мужчина, старик’, *īja* ‘мальчик, ребенок’ в сочетании с посессивными показателями несколько меняют свое значение: *qum-my* ‘мой товарищ (спутник, напарник)’, *ima-my* ‘моя жена’, *ira-my* ‘мой муж’, *īja-my* ‘мой сын’ (Кузнецова и др., 1980: 188).

Предметная принадлежность передается в диалектах селькупского языка при помощи двух типов конструкций:

– имя существительное в форме родительного падежа безличного или лично-притяжательного склонения + имя существительное в форме одного из падежей безличного или лично-притяжательного склонения;

– имя существительное в форме местно-личного падежа безличного или лично-притяжательного склонения + имя существительное в форме одного из падежей безличного или лично-притяжательного склонения (Беккер и др., 1995: 82–83).

Посессивные отношения могут быть представлены в языках атрибутивными и предикативными конструкциями, выражающими различные типы посессии: это и собственно владение материальными объектами, и отношения «часть/целое», которые тесно связаны с понятием отчуждаемости/неотчуждаемости (отторжимости/неотторжимости). Ученые не пришли также к единому мнению по поводу того, какой тип посессивности – отчуждаемый или неотчуждаемый – возник раньше. Однако большинство ученых рассматривают «неотчуждаемость» как более древний конструкт, а «отчуждаемость» – производное, вторичное явление.

Неотчуждаемая посессивность понимается как «выражение принадлежности такого предмета, который естественным образом не может быть отчужден от другого предмета или посессора (Heine, 1997: 10).

Лексико-семантическая классификация имен неотчуждаемых объектов со ссылками на работы Х. Зайлера, Дж. Николс представлена С. Едыгаровой:

1. Отношения части и целого.

1.1. Человек или живое существо и части его тела:

– части тела и внутренние органы;

– психические свойства и состояния человека.

2.1. Термины родства.

3.1. Непредметные понятия с высокой степенью посессивности (Едыгарова).

Неотчуждаемость (неотторжимость) концептуализируется как отношение абсолютной врожденной или естественной части, без которой нормальное функционирование организма невозможно, а свойства предмета или человека не существуют без их обладателя.

Самую большую группу имен объектов неотчуждаемой семантики составляют названия частей тела, отчуждение которых невозможно без серьезных последствий для обладателя.

Анализ селькупских фольклорных и бытовых текстов свидетельствует о том, что термины родства, анатомическая лексика маркируются лично-притяжательными суффиксами, ср.: Ив. *amba-ut m'iyenyut čenča* 'мать-наша нам говорит', *tab man hajo-m üsse qamžeyt* 'она мои глаза-мои водой заливала', *mannāni ĭ-m nadugu kyga* 'мой сын-мой жениться хочет', *mināni n'en 'n'am swāk warka* 'наша сестра-наша хорошо живет'; Вольд. *man t'ēka nē-m mellage* 'я тебе дочь-мою отдам', *man mīdo-m tū to blekand onenže piveγand pendā* 'мою печень-мою на той стороне костра напротив положи'.

Данные суффиксы выражают отношение нерасторжимой принадлежности (предмет обладания представлен именем, относящимся к классу слов, обозначающих неотделимую от владельца принадлежность), например, человека – частью его тела.

В связи с многогранностью категории посессивности представляется целесообразным провести дальнейшее исследование предикативной посессивности, внешней посессивности, диахронического развития данной категории с позиций семасиологического и ономасиологического подходов, а также сопоставительное изучение категории посессивности в языках обско-енисейского ареала.

Список сокращений

Вольд. – Вольджа, Ив. – Иванкино, Нап. – Напас, Тайз. – Тайзаково, УО – Усть-Озерное, таз. – тазовский диалект селькупского языка.

Список литературы

- Беккер Э. Г. К вопросу о морфологическом аспекте выражения притяжательных отношений в диалектах селькупского языка // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. С. 10–13.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. Томск, 1995. 292 с.
- Бондарко А. В. Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург, 1996. С. 99–100.
- Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Режим доступа: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf
- Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 16 с.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.

- Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2007. Вып. 6. С. 95–102.
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic // Материалы Международного симпозиума по действительным системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2004. С. 130–145.
- Филиппова Т. М. Особенности верхнеобского говора южных селькупов (тайзаковско-старосондровская группа) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 2: Филология. С. 81–87.
- Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 20 ноября 2015.

Poljakova N.

THE EXPRESSION OF POSSESSION IN THE DIALECTS OF SELKUP

The paper presents a brief overview of the semasiological and onomasiological approaches to the study of possession in Russian and Western linguistic tradition. The paper discusses morphological, syntactic and morphosyntactic ways of expressing possession in the dialects of Selkup and covers various semantic types of possessive constructions. The Selkup dialects mark the distinction between alienable and inalienable possession.

Key words: *possession, Selkup, possessive constructions, possessive suffixes, alienable/inalienable possession.*

References

- Milovanova M. V. Ponjatje posessivnosti: problemy opredelenija i struktury [Possession: the problem of definition and structure]. *Vestnik VolGU*. Serija 2. Vyp. 6. 2007. Pp. 95–102 (in Russian).
- Heine B. Possession. *Cognitive sources, forces and grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Bondarko A. V. Posessivnost'. Vstupitel'nye zamechanija. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost'. Bytijnost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [Possession. The introduction. In: The theory of Functional Grammar. Location. Existentiality. Possession]. St. Peterburg, 1996. Pp. 99–100 (in Russian).
- Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma po dejstičeskim sistemam i kvantifikacii v jazykah Evropy i Severnoj i Central'noj Azii*. Izhevsk, 2004. S. 130–145.
- Kuznetsova A. I., Helimskij E. A., Grushkina E. V. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MGU Publ., 1980, vol. 1. 408 p. (in Russian).
- Kim A. A. *Vyrazhenie kategorii pritjazhatel'nosti v dialektah sel'kupskogo jazyka: Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Expression of Possession in the Selkup Dialects]. Tartu, 1987. 16 p. (in Russian).
- Bekker Je.G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty. Chast' I* [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 1.]. Tomsk, TGU Publ., 1995. 292 p. (in Russian).
- Bekker Je.G. K voprosu o morfologičeskom aspekte vyrazhenija pritjazhatel'nyh otnoshenij v dialektah sel'kupskogo jazyka. *Kategorija pritjazhatel'nosti v slavjanskij i balkanskij jazykah. Tezisy soveshhanija* [On the Morphological Aspect of Expressing Possession in the Dialects of Selkup]. Moscow, Nauka Publ., 1983. Pp. 10–13 (in Russian).
- Filippova T. M. Osobennosti verhneobskogo govora juzhnyh sel'kupov (tajzakovsko-starosondrovskaja grupa) [The Specific Features of the Verhneobskij Idiom of Southern Selkup (tajzakovsko-starosondrovskaja group)] *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. 2011. Vol. 10, vyp. 2: Filologija. Pp. 81–87 (in Russian).
- Edygarova S. *Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke* [Possession in Udmurt]. URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf (in Russian).

Polyakova N. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com